

неотъемлемая часть изучения коммуникативных стратегий и тактик языковой личности лектора.

Дальнейшей перспективой исследования языковой личности лектора является анализ языковых показателей речевых тактик, а также коммуникативных ходов, применяемых при чтении лекций гуманитарной и естественнонаучной направленности.

Библиографические ссылки

1. **Аниськина Н. В.** Языковая личность современного старшеклассника : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Аниськина. – Ярославль, 2001. – 288 с.
2. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. **Капица С. П.** Россия и мир в демографическом зеркале [Электронный ресурс] / С. П. Капица. – Режим доступа : http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156358/video_id/156358. – Загл. с экрана.
4. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
5. **Карпов С. П.** Причерноморье. Перекресток цивилизаций [Электронный ресурс] / С. П. Карпов. – Режим доступа : http://tvkultura.ru/article/show/article_id/64600. – Загл. с экрана.
6. **Кочеткова Т. В.** Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) [Электронный ресурс] / Т. В. Кочеткова. – Режим доступа : <http://portal.tpu.ru/SHARED/e/ELENNOV/four/Tab2/KochetkovaTV.pdf>. – Загл. с экрана.
7. **Кочеткова Т. В.** Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 534 с.
8. **Кубиц Г. В.** Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. В. Кубиц. – Челябинск, 2005. – 258 с.
9. **Федорова Л. Л.** Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // *Вопр. языкознания*. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

Надійшла до редколегії 15.10.14

УДК 811.161.1+811.133.1]’367.627

Е. А. Половинко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЧИСЛОВОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале «Одесских рассказов» Исаака Бабеля)

Осуществлен сравнительный анализ лексических и надлексических единиц с количественным значением, отобранных из русского и французского вариантов «Одесских рассказов» Исаака Бабеля. Установлено, что основными показателями как точного, так и размытого количества в художественном тексте являются числительные и разного рода нумеративные конструкции; количественную семантику выражают слова, указывающие на степень проявления признака, распространения того или иного действия, устойчивые и оригинальные авторские выражения.

Ключевые слова: числовое (количественное) значение, количественность (квантитативность), нумератив, эквивалентная переводная единица, художественный текст.

Половинко О. О. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЧИСЛОВОГО ЗНАЧЕННЯ У РОСІЙСЬКОМУ І ФРАНЦУЗЬКОМУ ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (на матеріалі «Одеських оповідань» Ісаака Бабеля)**

Здійснено порівняльний аналіз лексичних та надлексичних одиниць з кількісним значенням, виділених з російського та французького варіантів «Одеських оповідань» Ісаака Бабеля. Встановлено, що основними показниками як точної, так і неточної кількості у художньому тексті є числівники та різного роду нумеративні конструкції; кількісну семантику виражають слова, що вказують на ступінь прояву ознаки, поширення тієї чи іншої дії, сталі та оригінальні авторські вислови.

Ключові слова: числове (кількісне) значення, кількісність (квантитативність), нумератив, еквівалентна перекладна одиниця, художній текст.

Polovynko O. O. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **MEANS OF NUMERIC VALUE EXPRESSION IN RUSSIAN AND FRENCH LITERARY TEXT (based on the material of «Odessa stories» by Isaac Babel)**

In the present research based on «Odessa stories» by I.Babel the variety of various linguistic means conveying quantitative sphere values in Russian and French literary text is revealed and studied.

From the point of view of reality objects' characterization there can be distinguished two types of quantitative characteristics: numeric and non-numeric, moreover, the amount (quantity) can be defined exactly or inexactly (precisely). Numeric quantification is realized by means of numerals and numeral constructions. At the same time the Russian language grammar construction allows applying combinations with so-called zero component. Avoiding bare listing of facts in the literary text the author uses original locutions with numeral components and repeats numerals for emphasis or buildup of tension, constructions in which upper and lower limits of the nominated quantity are set, etc.

The tools that traditionally express the quantity in fiction can be used to express entirely different meaning. Non-numeric quantification is carried out by means of multilevel language: much richer and larger potential of word formants in the Russian language with numeric value; lexical and super-lexical units in both languages provide wide range of opportunities for the expression of not only quantity itself but its assessment.

Key words: numeric (quantitative) value, quantitativity, numerals, numeral constructions, equivalent translated unit, literary text.

Интерес к категории количества как языковому явлению объясняется тем, что она является и лексической, и грамматической. Это, без сомнения, одна из наиболее важных категорий не только языка, но и объективной действительности вообще. Однако ни устоявшегося определения, ни должного освещения в лингвистике она пока не имеет. Как правило, исследователи ограничиваются изучением языковых средств выражения этой категории в целом [1; 4; 7] или ее частных значений [3; 5]. Особый интерес, на наш взгляд, представляют труды, посвященные сопоставительному анализу средств выражения категории количества в родственных или разноструктурных языках [2; 8]. Все эти работы свидетельствуют о сложной семантической структуре категории количества в разных языках.

Предметом настоящей статьи является понятийная категория количества, представленная в русском и французском вариантах художественного текста. **Цель** нашего исследования – выяснить, какими разнообразными языковыми средствами (нумеративными и нунумеративными) выражены значения количественной сферы в русском и французском вариантах «Одесских рассказов» Исаака Бабеля.

О том, что данное поле в языке имеет довольно нетривиальную структуру, охватывающую способы квантификации субстанций, динамических ситуаций и качеств, писали многие ученые, в частности С. А. Крылов: «...поставив задачу инвентаризации «количественных значений» (в ономазиологическом аспекте) и «средств выражения количественных значений» (в семасиологическом аспекте), мы сразу же обнаружим, что между этими микросистемами существуют многообразные и нетривиальные взаимосвязи» [1, с. 63].

Само понятие «количество» в «Толковом словаре русского языка» определяется как «степень выраженности измеряемых свойств предметов, явлений, их мерные характеристики (спец.)»; «величина, число» [6, с. 283]. Ему соответствует французское слово *quantité*, дефиницию которого можно перевести как «свойство того, что может быть измерено или посчитано», «вес, объем, число», а также «большое число» [10, с. 661]. В тексте встречаем пример перевода слова *количество* словом *nombre* («число»): *Синагогальные шамесы, вскочив на столы, выпевали под звуки бурлящего туша количество подаренных рублей и серебряных ложек. – Les chamesses des synagogues, grimpés sur les tables, psalmodiaient au son des fanfares torrentielles le nombre de roubles et de cuillers en argent offerts par chacun* [9, с. 28–29]. Многозначность французского слова *quantité* позволяет перевести с его помощью русского *множество*: *...и за это время я узнал о нем множество историй. – ...et durant tout ce temps j'ai appris sur lui une quantité d'histoires* [Там же, с. 134–135].

По мнению И. А. Мельчука, следует выделять несколько способов квантификации. Во-первых, с точки зрения объекта, подлежащего характеристике, количественные характеристики могут относиться либо к участникам описываемого или языкового факта, либо к самому описываемому факту. Отсюда возникает противопоставление двух главных типов грамматической квантификации: квантификация объектов и квантификация фактов. Во-вторых, с точки зрения способа характеристики различают два типа количественных характеристик: числовую (один, более одного, два, более двух) и нечисловую («весь» ~ «не весь»; «много» ~ «мало» ~ «больше» ~ «множество»; и т. п.). Взаимодействие этих двух противопоставлений порождает четыре класса количественных словоизменительных категорий: 1) числовая квантификация объектов; 2) числовая квантификация фактов; 3) нечисловая квантификация объектов; 4) нечисловая квантификация фактов [4, с. 82].

Числовая квантификация осуществляется прежде всего с помощью числительных, например: *...Три тени загромаждают пути моего воображения. – ...Trois ombres énormes obstruent les sentiers de mon imagination* [9, с. 38–39]; *...положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софиевскую, 17, – двадцать тысяч рублей. – ...déposez, je vous prie, demain matin, sous la porte cochère du 17 de la rue Sophievskaja, vingt mille roubles* [Там же, с. 18–19]. Уже здесь можно указать на отличия грамматических систем русского и французского языков: русские числительные *два, три, четыре* требуют от существительного формы родительного падежа единственного числа, в то время как во французском языке, в котором существительные по падежам не склоняются, после числительных, указывающих на определенное множество, используется форма множественного числа субстантива. При этом французское слово *mille* «тысяча» не приобретает форму множественного числа в сочетаниях с количественными числительными.

Точная квантификация может выражаться в русском языке нумеративными конструкциями с так называемым нулевым компонентом: форма единственного числа субстантива, употребляемая с числительным *один*, противопоставлена формам, которых требуют после себя все остальные числительные, что позволяет во многих случаях опускать числительное *один*, например: *Через час после того, как его доставили в больницу, туда явился Бенья. – Une heure après son transport à l'hôpital, Bénia s'y présenta* [Там же, с. 54–55]. Во французском же языке числительное *un (une)*, которое одновременно является и неопределенным артиклем, не может быть опущено. Использование данного числительного является обязательным и в русском языке при намерении подчеркнуть значение единичности, уникальности. Для усиления значения единичности числительное *один* может сопро-

вождаться словами *que* (только), *seul* (-e) (единственный): Он – Бенчик – пошел к Фроиму Грачу, который тогда уже смотрел на мир **одним только глазом...** – *Lui, Bénia, est allé trouver Phroïm Gratch qui, déjà en ce temps-la, ne contemplait le monde que d'un œil...* [9, с. 42–43]; Он опрокидывал корову с **одного удара** и погружал нож в коровье сердце. – *Il renversait la vache d'un seul coup de poing et lui enfonçait le couteau dans le cœur* [Там же, с. 18–19]. Единичность объекта может подчеркиваться сравнением с некоторым уникальным фактом действительности: *...и вот я один, как бывает один бог на небе. – ...et me voilà seul comme le bon Dieu est seul dans le ciel* [Там же, с. 100–101].

В ряде языков множественное число выражает парную сегментацию. Так, в русском языке *брюки, ножницы, сани* осмысляются как наименования пар деталей. Во французском языке эквивалентные номинации могут иметь индивидуальную сегментацию: *И вот, когда шестая корова с предсмертным мычанием упала к ногам Короля, – тогда во двор в одних кальсонах выбежал Эйхбаум...* – *Et alors, quand la sixième vache fut tombée aux pieds du Roi avec un meuglement d'agonie, Eichbaum, vêtu seulement d'un caleçon, se précipita dans la cour...* [Там же, с. 20–21]. Кроме того, во французском варианте контекст требует слова *только*, которое подчеркнет отсутствие другой одежды, в русском же – эту функцию выполняет числительное *один*.

Слово *сутки* в русском языке также имеет только форму множественного числа. Во французском языке ему вообще нет эквивалента, поэтому при переводе прибегают к математическим подсчетам – *вторые сутки* переводят как «сорок восемь часов»: – *...вот идут вторые сутки, как я плачу за дорогим покойником, как за родным братом. – ...voilà quarante-huit heures que je pleure le cher disparu comme si c'était mon propre frère* [Там же, с. 58–59].

Интересны примеры особых авторских оборотов с компонентами-числительными: *Как сделался он зятем человека, у которого было **шестьдесят** дойных коров без одной?* – *Comment est-il devenu le genre d'un homme qui possédait quelque chose comme soixante vaches laitières ?* [Там же, с. 18–19]. Обычно круглые числа имеют большую значимость, часто в разговорной речи мы отдаем предпочтение круглым числам, когда важно не столько указать конкретное количество, сколько подчеркнуть значимость числа. Автор оригинальным способом сумел достичь и одной, и другой цели.

Числительное может повторяться для нагнетания обстановки: *Они пришли ночью – **девять человек** с длинными палками в руках. ... **Девять** пылающих звезд зажглись на скотном дворе Эйхбаума. – Ils vinrent de nuit, **neuf hommes armés de long bâtons**. ... **Neuf** étoiles flamboyantes s'allumèrent dans le parc à bestiaux d'Eichbaum* [Там же, с. 18–19].

Использованные в тексте числительные далеко не всегда выражают точное количество. Приблизительное, или размытое число, обозначается сочетаниями, которые носитель языка использует в тех случаях, когда он не в состоянии установить точное количество или в этом нет необходимости. У Н. И. Науменко размытое количество – «количество, передаваемое словом или словосочетанием и отображающее более чем одно возможное числовое значение» [5, с. 43]. В случаях, когда повествующий не располагает сведениями о точном количестве, могут использоваться конструкции, в которых числительное находится в постпозиции к наименованию исчисляемых объектов. Во французском языке в данной ситуации употребляют либо стандартную нумеративную конструкцию, либо субстантивы типа *quarantaine, quinzaine*, называющие приблизительное количество: *За ним последовали человека **три** из Бениных друзей. – Trois des amis de Bénia partirent à sa suite* [9, с. 16–17]; *Они вышли с участка человек **сорок**, – рассказывал он, дви-*

гая челюстями, – и пошли на облаву; так они отошли **шагов пятнадцать**, как уже загорелось... – *Ils étaient sortis du commissariat, une quarantaine d'agents, racontait-il en remuant les mâchoires, et les voilà partis pour leur rafle ; et alors, ils n'avaient pas fait une quinzaine de pas déjà le feu prenait...* [9, с. 32–33].

Подобные существительные и прилагательные используются во французском языке и при указании на возраст аналогично русским сложным прилагательным *сорокалетний, пятидесятилетний*: восходящие к латинским числительным прилагательное *quadragénaire* «сорокалетний» и существительное «человек 40 лет», *quinquagénaire* «пятидесятилетний» и «пятидесятилетний человек», *sexagénaire* «шестидесятилетний» и «шестидесятилетний старик». Например: *Потом Бенья вернулся в Одессу для того, чтобы выдать замуж сорокалетнюю сестру свою Двоиру...* – *Bénia revint ensuite à Odessa pour marier Dvoïra, sa sœur quadragénaire...* [Там же, с. 24–25]; *Шестидесятилетняя Манька, родоначальница слободских бандитов, вложив два пальца в рот, свистнула так пронзительно, что ее соседи покачнулись.* – *La sexagénaire Manka, ancêtre de bandits du faubourg, mit deux doigts dans sa bouche et émit un sifflement si perçant que ses voisins sursautèrent* [Там же, с. 32–33]. Встречаются и традиционные конструкции для указания на возраст: количество прожитых лет может сообщаться с помощью числительных, например: *Вам двадцать пять лет.* – *Vous avez vingt-cinq ans* [Там же, с. 40–41].

Для указания на большое количество, не поддающееся счету, а также для усиления эффекта массовости объектов используют конструкцию, в которой устанавливаются верхний и нижний пределы возможного количества, при этом дополнительная образность появляется за счет того, что разрыв между указанными границами весьма велик: *Их было сто человек, или двести, или две тысячи.* – *Et derrière tout le monde piétinaient les employés de Rouvim Tartakovski. Ils étaient cent, ou deux cents, ou deux mille* [Там же, с. 62–63]. Сочетание с совершенно конкретным нумеративом может даже иметь значение абсолютного (предельного) множества: *Участок исправно пылал с четырех сторон.* – *Le commissariat de police brûlait on ne peut mieux de toutes parts* [Там же, с. 32–33]. Имеется в виду «повсюду», «со всех сторон».

В некоторых случаях автор озвучивает не столько точную величину, сколько оценку той или иной величины. Для характеристики количества как такого, которое меньше желаемого, ожидаемого, в русском языке используется частица *всего*, а также прилагательное *жалкий*: *Всего год тому назад Бенья написал Эйхбауму письмо.* – *Il n'a pas plus d'un an de cela, Bénia écrivit une lettre à Eichbaum* [Там же, с. 18–19]; *Вы имели сердце послать матери нашего покойного Иосифа сто жалких карбованцев.* – *Vous avez eu le front d'envoyer à la mère de notre défunt Joseph cent misérables roubles* [Там же, с. 58–59]. При этом, если русскому прилагательному *жалкий* можно найти эквивалент во французском языке – *misérable*, то для перевода частицы *всего* использована целая конструкция, буквально означающая «не более, чем» и не имеющая оценочного компонента. Аналогично прилагательное *целый*, подчеркивающее количество, превышающее желаемое или ожидаемое, переводится с помощью местоимения *весь*, которое оценки как таковой не выражает: *Я жду вас целый день...* – *Je vous ai attendu toute la journée* [Там же, с. 76–77].

Конструкциями с числительными, традиционно обозначающими количество, в художественном тексте может быть выражено совершенно иное значение, например: *Если нет, то на всякого доктора, будь он даже доктором философии, приходится не более трех аршин земли.* – *Sinon pour chaque docteur, fût-il même docteur en philosophie, six pieds de terre suffiront* [Там же, с. 56–57]. Размер места на кладбище указан как перспектива того, что может ожидать упомянутого героя.

А в следующем контексте стоимость проезда в общественном транспорте указана для того, чтобы подчеркнуть незначительность усилий, ожидаемых от героя: *...отчего бы ему не сесть за пять копеек на трамвай и не подъехать ко мне на квартиру и не выпить с моей семьей стопку водки... – ...pourquoi n'aurait-il pas dépensé cinq kopecks pour venir en tramway jusque chez moi boire un petit verre de vodka avec ma famille...* [9, с. 52–53].

Числительные могут входить в состав прозвища – в этом случае числовое значение они выражают, только если ясна причина, по которой герой получил такое название, поэтому автор приводит развёрнутое пояснение. Например: *Тартаковского называли у нас «полтора жида» или «девять налетов». «Полтора жида» называли его потому, что ни один еврей не мог вместить в себе столько дерзости и денег, сколько было у Тартаковского. Ростом он был выше самого высокого городского в Одессе, а весу имел больше, чем самая толстая еврейка. А «девятью налетами» прозвали Тартаковского потому, что фирма Левка Бык и его компания произвели на его контору не восемь и не десять налетов, а именно девять. – Tartakovski était surnommé chez nous «Youpin et demi», ou encore «Neuf raids». On l'appelait «Youpin et demi» parce qu'aucun Juif n'aurait pu contenir à lui tout seul autant d'insolence et d'argent qu'en avait Tartakovski. Il était plus grand que le plus grand agent de police d'Odessa et pesait plus lourd que la Juive la plus grosse. Et «Neuf raids» était devenu le surnom de Tartakovski, parce que la firme Liovka Byk et compagnie avait effectué sur ses bureaux non pas huit raids, ni dix, mais très exactement neuf* [Там же, с. 44–45].

Средствами выражения точного количества являются многие отчислительные производные самых разных частей речи, например наречие *однажды*, которому во французском языке соответствует сочетание существительного с неопределённым артиклем, буквально означает «один раз»: *Два раза они выкрадывали его для выкупа, и однажды во время погрома его хоронили с певчими. – À deux reprises ils l'ont enlevé pour obtenir une rançon, et une fois, au cours d'un pogrom, ils l'ont enterré avec des choristes* [Там же, с. 46–47]; *Десятый налет на человека, уже похороненного однажды, это был грубый поступок. – Un dixième raid sur un homme qu'on avait déjà enterré une fois, c'était un geste grossier* [Там же, с. 46–47].

Средства выражения нечисловой квантификации не менее многообразны. Прежде всего это слова, которые непосредственно характеризуют количество как малое или как большое (*мало, много, множество* и др.): *О Цудечкисе я знаю много историй. – Sur Tzoudetchkiss je connais beaucoup d'histoires* [Там же, с. 114–115]; *...если мы сделаем сегодня облаву, когда у него праздник, так Бенья рассерчает, и уйдёт много крови. – ...si nous faisons une rafle aujourd'hui, un jour où il y a une fête chez lui, Bénia va se mettre dans une colère noire et le sang coulera* [Там же, с. 16–17]. Повтор нумератива в следующем контексте подчеркивает превосходство качества исчисляемого объекта над количеством: *Бенья говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь. – Bénia parle peu, mais ce qu'il dit est savoureux. Il parle peu, mais on voudrait qu'il en dise davantage* [Там же, с. 42–43].

Абсолютное множество, или предельное количество, выражается с помощью сочетаний с местоимением *весь – tout*, которое в обоих языках изменяется по родам (за исключением среднего рода во французском языке, в котором существует только два рода – мужской и женский) и по числам: *...вся Одесса будет о вас говорить. – ...tout Odessa parlera de vous* [Там же, с. 18–19]; *Через два дня Бенья без предупреждения вернул Эйхбауму все забранные у него деньги... – Deux jours après, sans crier gare, Bénia rendit à Eichbaum tout l'argent qu'il lui avait extorqué...* [Там же, с. 22–23]; *Я убью всех молочников, кроме вас. – Je tuerai tous les*

producteurs de lait sauf vous [9, с. 22–23]; ...и в тот же день написал Тартаковскому письмо, похожее на **все письма** в этом роде... – ...il écrivit à Tartakovski une lettre pareille à **toutes les lettres** de ce genre... [Там же, с. 46–47]; Бешенство этого человека содержало в себе **все, что нужно** для того, чтобы властвовать. – La rage de cet homme renfermait **tout ce qu'il faut** pour régner [Там же, с. 38–39]. При употреблении в переносном значении данное местоимение выражает не абсолютное множество, а лишь большое количество. В этом случае не используется дословный перевод: *Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи, которым на брюхо наложили заплаты **всех цветов**, и они пели густыми голосами – заплаты из оранжевого и красного бархата.* – *Recouvertes de velours, elles ondulaient à travers la cour comme des serpents dont on aurait rapiécé le ventre avec des morceaux de tissu **multicolores**; et elles chantaient avec des voix profondes, ces pièces de velours orange et rouge* [Там же, с. 12–13]. Словосочетание *всех цветов* переведено как *multicolores* («разноцветные»).

Продуктивной основой для слов со значением так называемого относительного количества является существительное *половина*: *Пол-Одессы служит в его лавках.* – *La moitié d'Odessa travaille dans ses boutiques* [Там же, с. 44–45]; *Они сказали, что вернутся через **полчаса**.* – *Ils dirent qu'ils seraient de retour dans **une demi-heure*** [Там же, с. 16–17]. *Зарезанные коровы были поделены ими **пополам**...* – *Les vaches égorgées furent partagées **équitablement**...* [Там же, с. 20–21]. Во французском тексте слову *пополам* соответствует *équitablement* «justement» [10, с. 299], что по-русски означает «справедливо, беспристрастно».

К средствам выражения нечисловой квантификации можно отнести слова, в семантике которых есть указание на степень проявления признака, например, русские прилагательные *обильный* – «имеющийся в изобилии, в высшей степени достаточный» [6, с. 428], *пышный* – «пушистый», «роскошный», *тучный* и *пухлый* в переносном значении «объемный», *исполинский* – «необычайно большой» [Там же, с. 253], *тяжелый* – «имеющий большой вес», «наполненный». В качестве иллюстраций приведем предложения с указанными адъективами: *Новобрачные прожили три месяца в тучной Бессарабии, среди винограда, **обильной** пищи и любовного пома.* – *Les jeunes mariés passèrent trois mois dans la plantureuse Bessarabie, au milieu des vignes, **abondamment** norris et trempés de sueur d'amour* [9, с. 24–25]; *Над мертвыми гусиными головками покачивались цветы, как **пышные** плюмажи.* – *Sur les têtes mortes des oies, des fleurs se balançaient comme des plumets **somptueux*** [Там же, с. 24–25]; *Сквозь закопченные двери било **тучное** пламя, пьяное и **пухлое** пламя.* – *Par les portes noircies de fumée jailissait **une flamme épaisse, une flamme ivre et dodue*** [Там же, с. 12–13]; *Грач поехал дальше и увидел на своем дворе женщину **исполинского** роста.* – *Gratch poursuivit son chemin et aperçu une femme **d'une taille gigantesque*** [Там же, с. 76–77]; *Подкладка **тяжёлого** кошелька сшита из слез.* – *Les bourses **bien remplies** sont cousues de larmes* [Там же, с. 16–17]. Во французском языке не всегда можно подобрать эквивалентные переводные единицы – для сохранения образности используются целые конструкции, как в первом примере (*среди обильной пищи* переведено как «обильно питающиеся») или в последнем (*тяжёлый кошелек* переведено как «хорошо наполненный кошелек»).

Квантитативный компонент заложен и в семантике некоторых лексем, обозначающих действие, например в значении глагола *залить*: «покрыть сплошь водой или иной жидкостью» [6, с. 210]. Аналогично эквивалентный французский глагол *inonder* указывает на то, что действие распространяется на все обозначенное пространство: *На земле, **залитой** кровью, расцвели факелы, как огненные розы, и загремели выстрелы.* – *Sur le sol **inondé de sang** les torches s'épanouirent comme des roses de feu et des coups de pistolet claquèrent* [Там же, с. 20–21]. При

этом в русском языке значение количества вносит словообразовательный формант – префикс *за-* в значении «заполнение, покрытие» [6, с. 196]; во французском языке лишь некоторым из подобных глаголов будут соответствовать образования, объединенные общим словообразовательным средством (*захлამить* – *encombrer*, *законтить* – *enfumer*), в остальных случаях это будут особые лексемы (*залить* – *inonder*, *запорошить* – *couvrir de neige*, *засадить* – *planter* и т. д.). Аналогично словообразовательный формант префикс *рас-* + постфикс *-ся* в таких глаголах, как *расстилаться* в значении «простирается», *перен.* «растекаясь, стелясь по поверхности чего-нибудь, распространяться» [Там же, с. 664], имеет значение интенсивности в проявлении действия, направления движения в разные стороны и т. п.: *Перед нами расстилалось зеленое спокойствие могил.* – *Devant nous s'étendait la tranquillité verte des tombes* [9, с. 40–41].

Значение множественности, интенсивности проявления признака вносят и такие словообразовательные средства, как суффикс *-ист*: ...на *мясистых* ногах *лопалась* кожа цвета небесной лазури. – ...*du cuir bleu azur craquait sur leurs pieds charnus* [Там же, с. 28–29]; *Неподалеку от него, в холодке, уселись морщинистые немцы-колонисты...* – *Non loin de lui s'étaient installés au frais des Allemands ridés, venus de leur colonie...* [Там же, с. 120–121]. Во французском языке в качестве эквивалентов таких прилагательных употребляют либо адъективы с соответствующим лексическим значением: *мясистый* – *charnu* – «мясистый, сочный (о плоде)», либо причастие: *морщинистый* – *ridé* – «покрытый морщинами».

Среди средств, выражающих нечисловую квантификацию, нам встретились и надлексические единицы, а именно фразеологические обороты *запастись терпением*, *дважды два* (в оригинале как *дважды два*), *пара пустяков*: *Человек, жаждущий ответа, должен запастись терпением.* – *L'homme qui brûle d'obtenir une réponse doit s'armer de patience* [Там же, с. 40–41]; – *Если у меня не будет денег – у вас не будет коров, мосье Эйхбаум. Это дважды два.* – *Si je n'ai pas l'argent, vous n'aurez pas de vaches, monsieur Eichbaum. C'est simple comme deux et deux* [Там же, с. 20–21]; *Что видел наш дорогой Иосиф в своей жизни? Он видел пару пустяков.* – *Qu'a-t-il eu de la vie, notre cher Joseph ? Il a eu trois fois rien* [Там же, с. 66–67]. Существует, как известно, несколько возможностей перевода устойчивых словосочетаний. В первом и втором примерах выражения с переносным значением «приготовиться долго терпеть что-нибудь» и «о том, что совершенно бесспорно, ясно» имеют практически дословные эквиваленты во французском языке, которые использовал переводчик, в последнем случае он нашёл аналог. Устойчивые выражения автор умело вплетает в структуру сложноподчиненного предложения с указательным словом: *Неужели ты не знаешь, что в этом году в Аргентине такой урожай, что хоть завались...* – *Ignorez-tu par hasard qu'ils ont, cette année, en Argentine, une récolte telle qu'on pourrait s'y noyer...* [Там же, с. 48–49].

Отличительной чертой художественного текста является обилие образных средств. Для выражения числового значения И. Бабель использует целый арсенал экспрессивных средств и выражений. Так, для обозначения нулевого количества автор использует просторечный синоним к слову *фига*: – *А-а-а, - запел он, - вот всем детям дули, а Давидочке нашему калачи, чтобы он спал и днем и в ночи...* – *A-a-a, entonna-t-il, tous les autres enfants ils auront des pruneaux, mais notre Davidka, il aura des gâteaux, pour que, jour et nuit, il fasse bien son dodo...* [Там же, с. 118–119]. А для того чтобы упрекнуть героя в отсутствии стыда, в бессовестности, он вкладывает в уста его собеседника ироничный вопрос: – *Стыд, мосье Тартаковский, – в какой несгораемый шкаф упрятали вы стыд?* – *La pudeur, monsieur Tartakovski, dans quel coffrefort avez-vous enfermé votre sens de la*

pudeur? [9, с. 58–59]. В другом контексте для характеристики, наоборот, совестливых людей, автор использует метафору: *...и все, в ком еще квартировала совесть, покраснели, услышав это решение. – ...et tous ceux qui hébergeaient encore conscience rougirent en entendant cette décision* [Там же, с. 44–45].

То, что в разговорной речи можно выразить одним словом *много*, *высоко* и т. д., автор описывает целыми конструкциями, включающими обороты и сравнения: *Венчание кончилось, раввин опустился в кресло, потом он вышел из комнаты и увидел столы, поставленные во всю длину двора. Их было так много, что они высовывали свой хвост за ворота на Госпитальную улицу. Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи... – Le mariage religieux était terminé ; le rabbin se laissa tomber dans un fauteuil, puis il sortit de la pièce et aperçut les tables dressées sur toute la longueur de la cour. Elles étaient si nombreuses que leur enfilable dépassait par la porte cochère jusque dans la rue de l'Hôpital. Recouvertes de velours, elles ondulaient à travers la cour comme des serpents... [Там же, с. 12–13]; И уже стрельнул в вышину узкий, как шпага, язык пламени. – Et voici qu'une langue de flamme, étroite comme une épée, jaillit vers les hauteurs* [Там же, с. 30–31].

Большое количество выпитого, омерзительный вид опьяневшего отребья автор подчёркивает, сравнивая людей с животными: *Им достался ямайский ром на свадьбе Двойры Крик, и поэтому, насосавшись, как тrefные свиньи, еврейские нищие оглушительно стали стучать костылями. – Ils eurent du rhum de la Jamaïque aux noces de Dvoïra Krik ; aussi, lorsqu'ils eurent biberonné tout leur soûl comme des cochons trefe, les mendiants juifs se mirent-ils à frapper le sol de leurs béquilles en faisant un tapage assourdissant* [Там же, с. 26–27].

Как видим, далеко не всегда числительные выражают точное количество и количество в принципе, то есть их могут использовать и для числовой, и нечисловой квантификации объектов и фактов. В художественном тексте употребление числительных дает множество возможностей для создания образности, а разные языки вносят свои особенности в осмысление количественной характеристики. Нечисловая квантификация осуществляется с помощью разноуровневых языковых средств: в русском языке по сравнению с французским более богат арсенал словообразовательных формантов, вносящих числовое значение; лексические и надлексические единицы в обоих языках предоставляют широкие возможности для выражения не только и не столько количества, сколько его оценки. В перспективе данное исследование может послужить материалом для описания нормативных и оригинально-авторских средств выражения значений количественно сферы как в русском, так и во французском языках.

Библиографические ссылки

1. Крылов С. А. Количество как понятийная категория / С. А. Крылов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2005. – С. 44–65.
2. Лазарева О. В. Категориальная семантика количественности в русском и испанском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Лазарева. – М., 2010. – 230 с.
3. Маджидов С. Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы его выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Р. Маджидов. – Таганрог, 1995. – 152 с.
4. Мельчук И. А. Курс общей морфологии : в 2 т. / И. А. Мельчук; [пер. с фр.; общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной]. – М. : Яз. рус. культуры; Вена : Венс. славист. альм., 1998. – Т. 2. – 544 с.
5. Науменко Н. И. Понятие значения размытого количества, передаваемого именем числительным количественным / Н. И. Науменко // Функциональные особенности лингвистических единиц : сб. науч. тр. – Краснодар, 1979. – С. 38–46.

6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
7. **Теория функциональной грамматики. Качественность, количественность** / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 264 с.
8. **Чернева Н. П.** Семантика и символика числа в национальной картине мира : на материале русской и болгарской идиоматики : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. П. Чернева. – М., 2003. – 270 с.
9. **Babel Isaac.** Одесские рассказы. Contes d'Odessa. Traduit du russe et annoté par Adèle Bloch / I. Babel. – Édition Gallimard, 1999. – 146 p.
10. **Le Larousse de poche.** – Paris, 2005. – 1042 p.

Надійшла до редколегії 13.01.15

УДК 81'373.611

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КРЕАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ ДЕРИВАЦИИ (на материале сложных названий придуманных профессий)

На материале сложных названий придуманных профессий (НПП) рассмотрены креативные возможности словообразовательной системы русского языка в структурно-семантическом и когнитивном аспектах. В структурно-семантическом аспекте сложные НПП проанализированы с точки зрения: а) способа образования; б) сочетаемости компонентов; в) соответствия узуальным словообразовательным моделям названий профессий. В когнитивном аспекте установлены доминантные когнитивные модели номинации, по которым образуются НПП. На основании полученных данных прослежено соотношение стереотипа и творчества в кругу сложных НПП.

Ключевые слова: лингвокреативность, названия придуманных профессий, русское словообразование, языковая игра, когнитив.

Пристайко Т. С. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **КРЕАТИВНІ МОЖЛИВОСТІ РОСІЙСЬКОЇ ДЕРИВАЦІЇ (на матеріалі складних назв вигаданих професій)**

На матеріалі складних назв вигаданих професій (НВП) розглянуто креативні можливості словотвірної системи російської мови у структурно-семантичному й когнітивному аспектах. У структурно-семантичному аспекті складні НВП проаналізовано під кутом зору: а) способу творення; б) сполучуваності компонентів; в) відповідності узуальним словотвірним моделям назв професій. У когнітивному аспекті встановлено домінуючі когнітивні моделі номінації, за якими утворюються НВП. За отриманими даними простежено співвідношення стереотипу й творчості у колі складних НВП.

Ключові слова: лингвокреативність, назви вигаданих професій, російський словотвір, мовна гра, когнітив.

Prystaiko T. S. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **RUSSIAN DERIVATION CREATIVE RESOURCES (on the material of composite fictitious professions denominations)**

The article deals with the creative resources of Russian derivation. Composite fictitious professions denominations (FPDs) are studied in structural-semantic and cognitive aspects.

The tasks of the investigation: to analyze composite FPDs structural and semantic aspects with relation to: a) the way of their formation; b) the collocation of components; c) the correspondence of the professions denominations to usual word-building patterns; to reveal dominating nomination cognitive patterns (cognitive types) of FPDs formation; to define the correlation of stereotype and creativity among composite FPDs.